

Воспоминания сигнальщика линкора «Новороссийск» В.П.Филатова.

- Вы призывались в то время, когда на флоте надо было служить пять лет. Не жаль было этого времени?

- Что вы! Я любил флот. Мне было интересно, — говорит Виктор Филатов. — Еще будучи школьником, учился в радиошколе ДОСААФ, осваивал азбуку Морзе, ходил загребным на шлюпке. Естественно, хорошо плавал. Поэтому всегда участвовал в «звездных» заплывах, проходивших в Севастополе во время празднования Дня Военно-Морского Флота. Почему они так назывались? Наверное, из-за звездочек, блестевших на наших белых беретах. Перед военным парадом лучшие пловцы собирались на барже и выходили в море. Там мы, в одних трусах и беретах, высаживались в воду и колонной вплавь заходили в бухту. Здесь уже стояли корабли с флагами расцвечивания, играл духовой оркестр, гремело многоголосое «Ура!». Мы тоже из воды кричим, точно как участники пешего парада на Крещатике.

Умение плавать и спасло меня во время гибели «Новороссийска». Не все хлопцы могли долго держаться на воде, а некоторые вообще плавали, как топоры. Как раз накануне трагедии на «Новороссийск» взяли 200 человек пополнения из пехоты. Солдат даже не успели переодеть в морскую форму, а оказаться в кирзовых сапогах за бортом — сами понимаете... Еще в это же время на линкоре проходили практику две сотни курсантов Ростовского военно-морского училища — тоже не морские волки. Помимо этого, в штате корабля насчитывалось полторы тысячи человек. Всего на тонущем судне оказалось около двух тысяч моряков.

- Сколько лет вы успели прослужить на нем?

- Год. Я попал на «Новороссийск» в 1954-м, а осенью 1955-го он погиб. Это было двухпалубное судно «Юлий Цезарь» старой постройки, доставшееся СССР от побежденной Италии. По его борту шла бронированная полоса, дававшая судну

лишний вес. Кроме того, коридоры были сплошными, без переборок. Все это в момент аварии существенно уменьшило шансы живучести корабля.

- На всю длину судна — 186 метров — ни одной переборки?

- Там были просто двери и тонкая перегородочка, которая не держала воду. После взрыва, прогремевшего в носовой части, сразу же погибли все, кто там находился. В носовых кубриках в это время спокойно спали сотни матросов и старшин.

Еще повезло, что взрыв произошел не в районе орудия главного калибра, под которым находился погреб с боевыми снарядами. Если бы ухнули здоровенные снаряды весом до ста килограммов каждый, корабль разнесло бы полностью! Да еще досталось бы судам, стоявшим рядом.

- Где вы находились в момент взрыва?

- Я как раз нес вахту на сигнальном мостике, наблюдая в бинокль за кораблями. На нашем линкоре находился штаб флота, о чем свидетельствовали две звездочки на поднятом красном флаге (три — означают, что присутствует высший офицерский состав Адмиралтейства). Вот я и докладывал руководству обстановку на рейде.

- И ничто не предвещало беды?

- Все было спокойно. Накануне вечером мы вернулись с испытаний тяжелых орудий. За хорошую стрельбу многим ребятам, в том числе и мне, дали увольнительную с 22. 00 до 24. 00. У нас же у всех девчата были на берегу, поэтому ждали этого события с нетерпением. Если проштрафился, на «свиданку» не отпустят. Старпом у нас - ох, стро-о-гий был. Когда шел с проверкой по кораблю, говорили: «О, корабль накренился на левый борт! Значит, старпом там проверяет».

Вечером после стрельб мы сели на баркас — и пулей на берег. Зашли за девчатами, вместе отправились на танцы. Тогда на набережной музыка играла, смело можно было «Яблочко» плясать. Хлопцы все молодые, красивые, в широченных клешах, полностью закрывающих обувь. Кстати, клинья на брюки мы сами пристрачивали. Умели на машинке и обтрепавшиеся на ветру флаги подшить, и фланельки перелицевать.

Около полуночи на набережной послышался вой сирены — это баркас за нами подходил. Выпил- не выпил, бежишь, чтобы успеть. Кто перебрал, того нужно тащить. Потом командир интересуется: «В какую сторону головой забирали?» Если лежал к морю ногами, наказывали. Если головой, значит, стремился на корабль, и обходилось.

Перед вахтой я кое-что перекусил — камбуз же никогда не закрывается. Кроме того, на мостике всегда была таранка для офицеров. При «морской болезни» соленькое помогает. Другим матросам она, возможно, недоступна, но только не сигнальщикам. Вдруг в 1. 30 ночи корабль ка-а-к подкинет. По инерции я даже на задницу упал. При вспышке увидел, что леера (тонкие веревки), на которых сушились наши робы, оборвались. Сорвались и спасательные шлюпки с подвесок. Верхняя палуба покрылась поднятым со дна илом. Сквозь шум воды, стоны и крики о помощи донеслась команда дежурного офицера: «Включить сирену!» Но она не работала, электростанция ведь накрылась, свет потух. Тут же кинулись к колоколам громкого боя и начали выстукивать: боевая тревога. По этому сигналу все должны находиться на боевых постах. Я как сигнальщик остался на мостике, свободные от дежурства матросы бросились к своим местам в кубриках. Это и погубило их, когда корабль перевернулся оверкиль.

Минут через тридцать подошедший к «Новороссийску» аварийно-спасательный корабль начал откачивать воду. Видимо, руководство рассчитывало как можно дольше удерживать линкор на плаву, чтобы успеть эвакуировать личный состав катерами и баркасами — дело-то происходило чуть ли не в центре Севастополя, где в бухте стояли десятки кораблей. В первую очередь забирали штабников, высший офицерский состав.

- А остальных?

- Команды покидать боевые посты не было. Да и внизу, у трапа, уже толпилось полно моряков. Куда же им на головы лезть? Команду «В воду!» дали только тогда, когда корабль начал сильно крениться и буквально тут же опрокинулся вверх килем. Я, как стоял на сигнальном мостике, так вместе с ним и оказался в воде. В робе, бушлате, брюках, ботинках... Отталкиваясь от борта корабля, до крови поранил руки о ракушки. Но боли не чувствовал. Сверху сыпались, как горох, стоявшие на палубе моряки. Мы тогда не знали, что линкор сутки будет держаться на плаву из-за образовавшихся в нем воздушных подушек, и, чтобы нас не потянуло на глубину, старались отплыть как можно дальше. Минут через двадцать спасатели зацепили меня багром за шиворот, втащили на баркас и отправили на крейсер «Кутузов». Там меня и других переодели в сухие рубы...

- Должны были и стаканчик налить.

- Мне досталось граммов 50 спирта, не больше. Я же там не один был. Каждому нужно было налить, раны обработать. Утром нас отправили в госпиталь.

- В военной прокуратуре вас опрашивали?

- Обязательно. Всех свидетелей вызывали в Адмиралтейство, находящееся возле Графской пристани, взяли подписку о неразглашении военной тайны. Там я и услышал разговоры следователей между собой: мол, на этом же месте в 1916 году подорвался тяжелый корабль «Императрица Мария». Самое удивительное, что кто-то сфотографировал этот момент с берега. Посмотрев снимки, секретная служба Адмиралтейства обнаружила — точь-в-точь такой же взрыв, как на «Новороссийске». Может, «малютка» (мини-подлодка. - авт.) подошла, водолаз-диверсант прицепил магнитную мину...

- Такое возможно?

- Вряд ли. После захода эскадры дежурные буксиры закрывают сеткой вход в бухту. Опускают ее почти до дна, и тогда проникнуть на внутренний рейд невозможно. Тем более что у нас прослушивался шум винтов. Если только «малютка» не зашла одновременно с эскадрой... (Проведенное расследование катастрофы установило, что именно в тот день боны почему-то не были закрыты. - авт.)

- Оpozнание мертвых — работа не для слабонервных.

- Своих побратимов мы опознавали по наколкам, проштампованным на одежде фамилиям, так как морская вода сильно разъела тела, солдат — по тем же сапогам. После этого я на еду месяц не мог смотреть, меня постоянно на рвоту тянуло, на лице одни скулы остались. И хотя в госпитале для нас приглашали артистов, крутили кино, ничто не отвлекало от грустных мыслей.

- Через неделю после взрыва был праздник — 7 Ноября. Но всем, видимо, было не до него.

- Подавленное настроение было у всех моряков и севастопольцев. Но в те годы гибель людей не считалась причиной для объявления траура. Поэтому казенно прошли собрания, посвященные годовщине Октября. Морской парад тоже не

отменили. Тогда проявил инициативу командующий флотом адмирал Андреев, заменивший на этом посту не справившегося с операцией по спасению моряков вице-адмирала Пархоменко, сына легендарного комдива. Перед началом парада адмирал Андреев на катере подошел к месту гибели линкора и на глазах тысяч зрителей и участников парада отдал воинскую честь погибшим. И лишь после этого направился к кораблю парадного строя.

- Говорят, что в знак траура по погибшим товарищам морские офицеры и матросы шли в пешеходных колоннах не в белых перчатках, как положено по уставу, а в черных.

- Об этом долго судачили в городе. Мол, начальство вынуждено было молча проглотить вызов, брошенный моряками-черноморцами, никаких расследований нарушения устава не последовало. Ведь погибшие моряки, пусть земля им будет пухом, заслужили уважение. Спасатели-водолазы рассказывали, что из ушедшего под воду «Новороссийска» доносилось пение «Варяга» (будто бы это прослушивалось с помощью приборов). Там есть такие слова: «Не думали, братцы, мы с вами вчера, что нынче умрем под волнами»...

- Как сложилась ваша дальнейшая судьба?

- После выписки из госпиталя меня откомандировали на миноносец, где я уже безо всяких ЧП отслужил оставшиеся три года. Вернувшись на «гражданку», женился и приехал на Киевщину. С 1962 года живу в селе Макаровка. Многие годы работал водителем Дарницкой автоколонны, принимал участие в ликвидации аварии на ЧАЭС: весной 1988 года ездил на маршруте Чернобыль-Семиходы. Вместе с женой вырастили дочку Ирину, теперь не нарадуемся внучке Насте. Но пережитая трагедия «Новороссийска» не забывается. Хочу пожелать счастья и здоровья оставшимся в живых морякам с линкора и всем остальным.

Интервью газете «Факты». 2005.